

МОЗЪКЪ ВЪРЪМЯ

№ 10185 ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, СУББОТА, 10-ГО (23-ГО) ПОЛЯ 1904 ГОДА.

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ № 10185

МАЛЕНЬКАЯ ХРОНИКА.

О. Л. Чехова, жена покойнаго писателя, обливаясь слезами, измученная горемъ и тяжелою дорогою, рассказывала, какъ хорошо, какъ внимательно относились къ ея горю и памяти Чехова за границею и нѣмцы и русскіе. На одной маленькой станціи въ Россіи ея тронулъ студентъ. Плача, онъ прикалывалъ къ вагону нѣсколько розъ, которыя потомъ она положила на гробъ. О послѣднихъ дняхъ своего мужа она повторила уже извѣстныя отчасти подробности о томъ, что онъ посвѣжѣлъ сначала, прибодрился, охотно катался, съ улыбкою смотрѣлъ на природу и жизнь. О. Л. тоже рассчитывала, что онъ поправится, хотя врачъ г. Швереръ, лечившій его, сказалъ ей, что онъ боится за его сердце, которое ослабѣло вслѣдствіе чахотки. Въ Россіи никто изъ врачей не указывалъ на сердце, и ее удивили эти слова. Что касается легкихъ, врачъ сказалъ ей, что онъ можетъ еще прожить съ ними отъ 4 до 6 мѣсяцевъ, не до-

лѣ. Самъ онъ конечно этого не подозрѣвалъ. Японская война угнетала его. Жена постоянно переводила ему извѣстія изъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ газетъ, и онъ всею интересовался. Когда въ день смерти, въ половинѣ перваго часа ночи, онъ проснулся и сталъ задыхаться, О. Л. послала за докторомъ. Ночью не легко было достать его тотчасъ. Когда онъ пришелъ, Чеховъ сказалъ ему по-нѣмецки одно слово:

— Смерть?

— О, нѣтъ, нѣтъ, успокойтесь! Что вы? — поторопился успокоить его врачъ.

Ему тяжело было дышать. На сердце положили ледъ, потомъ онъ глотнулъ шампанскаго, которое пролилось въ горло, производя странный звукъ. Онъ сталъ бредить. «Матросъ уѣхалъ?» — Какой матросъ? — «Матросъ, — уѣхалъ онъ?» — Уѣхалъ. Очевидно, это имѣло связь съ войною. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Онъ тихо угасъ, безъ агоніи, уснулъ. Докторъ сказалъ, что онъ никогда не видалъ такой тихой и спокойной смерти чахоточнаго.

Мать его, въ Ялтѣ, получила отъ него въ концѣ іюня радостное письмо. Онъ собиравался поѣхать на Комо, «пожить тамъ немножко». «Дѣла мои по части здравія пошли на поправку по настоящему». Съ этимъ письмомъ она радостно встрѣтила своего младшаго сына, который звалъ уже о смерти брата. Нѣкоторое время ей не говорили. Горе ея выразилось страшнымъ отчаяніемъ, когда наконецъ ей сказали.

Петербургскую публику напрасно упрекаютъ въ холодности. Никто не зналъ о времени пріѣзда. Братъ и сестра были въ отъѣздѣ, кто въ Кіевѣ, кто на Кавказѣ. Газетамъ никто не телеграфировалъ, что гробъ везутъ на курьерскомъ поѣздѣ.